

РАБОТЫ МОЛОДЫХ

ГАЛИНА БОРИСОВА

НАЧИНАЯ статью, я стал припоминать: сколько лет работает Галина Борисова в Большом театре? Мне почему-то представлялось, что она поет у нас уже очень давно. Чтобы не путаться в памяти, я спросил об этом у нее самой. Оказалось, она поступила в театр в конце 1965 года, значит, совсем не так уж давно.

Есть люди, которые как-то быстро и органично входят в жизнь коллектива, в его дело и спустя каких-нибудь 2—3 года уже кажутся его старожилками, хотя внешне могут сохранять все черты молодости. Галя Борисова, видимо, принадлежит к их числу.

С первого же урока, на котором я встретился с ней, определились для меня высокие профессиональные качества новой солистки — музыкальность, быстрое понимание того или иного указания по существу творческой задачи, чистота интонации, полнозвучный, красивый голос.

Надо сказать, Гале повезло: она стала солисткой Большого театра — этого «храма», «жрицы» которого составляют элиту вокального искусства всей нашей страны, — еще будучи студенткой пятого курса Московской консерватории. Начать профессиональную карьеру среди прославленных мастеров пения, под руководством выдающихся дирижеров и режиссеров, с одним из лучших современных оркестров, да еще в «созвездии» великодушных певцов своего амплуа, — это ли не счастливейшая удача в жизни молодой певицы!

В феврале 1966 года Г. Борисова спела свою первую партию — Отрока в «Сказании о граде Китеже». За время, прошедшее с тех пор, она выучила и спела на сцене 35 партий.

Среди них, правда, нет пока партий крупного масштаба, типа Амнерис, Любаши, Кармен и т. п., но и те, что сделаны (Комиссар, Кончаковна, Керубино, Гувернантка, Соня, Полина и другие), требуют не меньшего мастерства для сценического и певческого воплощения. Весьма примечательно, что многие партии были приготовлены за двое-трое суток или того меньше в связи с экстренной необходимостью замены заболевших исполнительниц. Профессиональный уровень исполнения при этом был достаточно высок, — по крайней мере никаких претензий, нареканий ни со стороны зрителей, ни со стороны дирижеров или режиссеров в отношении Г. Борисовой не бывало.

Для того, чтобы так быстро выучить и спеть на сцене (зачастую без предварительной спевки и репетиции с оркестром) даже сравнительно небольшую партию, надо, разумеется, иметь не только хваткую, надежную память, но и громадное сценическое самообладание, исполнительскую волю и, конечно, крепкую общемузыкальную подготовку.

Мне, музыканту, периодически работающему с Галиной Борисовой, помимо вокальных достоинств, импонирует ее принципиальная щепетильность во всем, что касается чисто музыкального ремесла (в лучшем смысле этого слова, т. е. в значении творческой дисциплины). Галя, например, не может (ей «стыдно», как она говорит) прийти на урок или репетицию, не выучив хотя бы вчерне порученную партию или не повторив давно не петую оперу. «Стыдно!» Может быть, это определение несколько элементарно с точки зрения этики некоторой части солистов-певцов Большого театра как само собой разумеющегося, но ведь, что скрывать, это слово, вернее чувство, обозначаемое им, кое-кем позабывается.

У нас, к сожалению, не такое уж диво явиться к концертмейстеру, даже на первый урок по разучиваемой опере, не имея при себе своего клавира, не заглядывая от урока до урока в ноты, повторяя от раза к разу одни и те же ошибки. Кстати, тоже характерный штрих — Г. Борисовой не нужно переводить иностранные музыкальные термины, встречающиеся в нотном тексте, — как правило, она справляется с этим сама. Серьезность ее отношения к своему делу сказывается и в том, что она систематически читает литературу, связанную с ее профессией, — биографии, исследования, мемуары о музыке и музыкантах, о певцах, литературу по истории искусств, по общей истории.

Г. Борисова пробует себя и в камерном пении. Пока это «разовые», не частые выступления. Еще не спет ею ни один свой полный сольный афишный концерт, но ее выступления в сборных концертах имеют вполне определенный и постоянный успех у публики. Я специально отмечаю это обстоятельство, так как считаю чрезвычайно полезным и нужным делом для каждого оперного певца, для его творческого роста выступления с серьезными сольными программами.

Трудно представить себе передового советского артиста, деятеля культуры, стоящего в стороне от общественной жизни коллектива. Галя Борисова комсомолка. Была комсоргом комсомольской организации коллектива оперы. В течение нескольких лет она ведет работу агитатора, ведет ее добросовестно, старательно. И, конечно, как большинство из нас, она постоянная участница шефских концертов.

Спросите у нее: довольна ли она своей работой в театре, что является самым большим, «узким» местом в ее деятельности. Чего ей, может быть, не хватает? Не ждите жалоб: мол, «зажимают», не дают петь больших партий, недооценивают и прочее. Самым «узким» местом она считает недостаток времени для самосовершенствования, для доделки всего того, что часто поневоле приходилось готовить на скорую

На снимке: Г. Борисова — Комиссар («Оптимистическая трагедия»).

Фото Г. Соловьева.

руку, для роста мастерства в каждой новой партии. Ограничивает возможность интенсивной работы над собой, распыляет силы наша «текучка», отнимающая много времени и энергии.

Действительно, нельзя не заметить, что индивидуальный распорядок творческой загрузки нашей молодежи, ее перспективные планы далеко не всегда продуманы и организованы. В наших расписаниях возникают иногда пустопорожние для данного артиста репетиционные часы, которые могли бы с большей пользой пойти на его самостоятельную работу. К тому же практическая продолжительность рабочего дня у того или иного артиста, в частности и у Г. Борисовой, бывает такова, что не только для самоподготовки, но и для полноценного отдыха не всегда выкроится время.

Я бы сфальшивил, если бы сказал, что все, что выносит Галя Борисова на сцену, всегда достаточно убедительно, совершенно. Ей не хватает, на мой взгляд, может быть, более глубокого проникновения в драматургически выразительный смысл музыкального образа, который таится в отдельных интонациях, фразах, словах, буквах исполняемых ею партий, но она трудолюбива, она работает в нужном направлении, ее пение становится все более многообразным, содержательным. Тембр ее голоса стал звонче, «ближе», погрешности в дикции, весьма ощутимые когда-то, существенно преодолеваются. Ее поиски художественной истинности исполнения в классических и современных операх плодотворны.

У нее прекрасно звучит Кончаковна, Полина, Флора, Соня и другие партии, но, не вдаваясь даже в разбор спетых ею отдельных партий-ролей, можно сказать, что в целом ее творческие достижения беспорны.

Мне кажется (и это не только мое мнение), молодая певица созрела для серьезной, значительной работы в самых ответственных и трудных партиях репертуара Большого театра.

К. ВИНОГРАДОВ,
концертмейстер оперы.

На снимках (слева направо): Г. Борисова в партиях Флоры («Травиата»), Кончаковны («Князь Игорь»), Керубино («Свадьба Фигаро»), Зибеля («Фауст»). Фото Г. Соловьева.